

УСТАВ

Когда мы приходим в наши святые православные храмы и славим Бога, как Он Сам научил нас славить Его — чем, скажите мне, восхищаться нам всего более? Тою ли ошеломляющей красотой и величием Божественной службы, тысячу лет назад настолько поразившею послов Святого Великого Князя Владимира, что они утратили различие земли от неба? Тем ли необъятным богатством и разнообразием богослужений, сравнимым лишь с бесконечной щедростью и неисчерпаемостью самой природы, в которых словно отражается щедрость Небесного Творца? Или же неизменно пребывающим в центре этого разнообразия изумительным порядком, благодаря которому православная служба обретает гармоничную целостность и возносит нас в единомысленном поклонении Богу?

Как же огорчительно, что столь немногие из православных христиан в полной мере проникаются смыслом и духом богослужений, которые, по мысли создавших их с Божьей помощью Святых Отцов, будучи для нас постоянным источником вдохновения, должны сохранять в нас искру спасительной православной веры и разжигать из нее великое пламя любви. Сколь немногие знают и любят Церковный Устав, который указывает правила и порядок церковных служб и, если мы умеем понять его, приводит в порядок сами сердца наши, указывает путь на Восток свыше, к Кому и зовет нас Церковь!

И как же вдвойне огорчительно за тех, кто, хоть и называет себя православными христианами, но возлагает вину за обычное в наши дни плачевное состояние Православной веры не столько на теплостудных верующих, отвергающих идеалы Устава, сколько на сам Устав, который, по их мнению, следует “пересмотреть” и “обновить”.

* * *

Один из наиболее серьезных сторонников такого “пересмотра”, о. Александр Шмеман, в своем “Письме Владыке” [1] Митрополиту Американскому Иринею выражает сожаление, что тот возвращает Митрополию (ныне — Автокефальную Американскую Православную Церковь — пер.) к уровню “дореволюционной России”, к “стандартным служебным книгам Русской Православной Церкви”.

В определенном смысле можно согласиться с возражениями о. Александра: как видно, Владыка имеет в виду не истинный возврат к живому и осознанному участию верующих в церковной службе, а просто сохранение элементарного порядка богослужений, согласно с церковно-славянскими богослужебными книгами, что необходимо в связи с охватившей Митрополию лихорадкой обновленчества.

О. Александр Шмеман убежден в том, что одним лишь внешним порядком делу не помочь: слишком глубок охвативший Митрополию кризис. Он утверждает, что ее “Финансовая несостоятельность лишь демонстрирует и отражает ее духовное состояние — разочарование и безразличие, глубочайшее невежество в самых основах нашей веры”. “Наша Церковь больна”, — пишет он, — “болезнь охватила и богослужебную, и духовную сферу”. Это горькое признание, неприменимое ко Христовой Церкви как таковой, по-видимому верно характеризует Митрополию и другие церковные группировки, далеко уклонившиеся от истинного Православия.

Митрополит Ириней призывает к хотя бы частичному сохранению богослужебной практики Русской Церкви: нескольких стихов вместо положенного по Уставу псалма, одного канона на воскресной утрени вместо предписанных трех или четырех, и так далее. На это о. Александр справедливо замечает, что с одной стороны этим нарушается Устав, а с другой — что прихожане Митрополии не видят смысла даже и в сокращенных службах. Следовательно, полагает он, Устав должен быть пересмотрен в свете наших знаний о его исторической эволюции, о других богослужебных традициях, и тому подобного. Словом, церковную службу требуется приспособить ко вкусам духовно несостоятельных людей!

Отправляясь от бедственного положения дел, о. Александр только усугубляет его, предлагая принять новый Устав, то есть снизить уровень требований — которые следующим поколением прихожан Митрополии без сомнения будут тоже отвергнуты как излишне строгие и “лишенные смысла”.

Сказанного довольно чтобы извлечь урок из духовного краха Американской Митрополии: причины его — в миролюбии, безразличии и глубоком невежестве. Стремящиеся же к истинному Православию, будь то в Русской Зарубежной Церкви, либо в другой, сходной с нею Церкви, обязаны помнить, что те же самые явления способны и нас сделать теплохладными, и вовсе лишить Божьей благодати.

* * *

Необходимо признать, что ни прихожане Американской Митрополии, ни ее предполагаемый реформатор о. Александр Шмеман, не имеют верного понятия о смысле Устава Церковной службы и о его назначении. Серьезное историческое исследование Устава отнюдь не привело бы нас к идеям его “пересмотра”, а напротив, исполнило бы нас восхищения перед его согласованностью, глубиной и целесообразием. Именно к такому выводу приводит книга проф. Скабаллановича — одна из лучших работ на эту тему, которую сам о. Александр упоминает как особо ценную. Она убеждает читателя в великой мудрости Святых Отцов — создателей Устава.

Ошибка прихожан Митрополии — в невежестве и безразличии к Уставу; ошибка о. Александра Шмемана — в формальном и академическом отношении к нему, будто бы к системе произвольных правил и инструкций, которые надо слепо соблюдать или умело обходить — наподобие “Правил уличного движения”. Но это вовсе не так!

Чтобы разобраться в истинном смысле Устава, надо понять, что он сам из себя представляет. Формально говоря, Устав — это книга предписаний о проведении богослужений и сочетании четырех циклов церковной жизни: суточного цикла; восьминедельного цикла Осмогласника; годового цикла неподвижных праздников; подвижного цикла Пасхи и Великого Поста.

Но по сути Устав этим не ограничивается. Греческое его название “Типикон” можно перевести как “книга образцов”, задача которой, по справедливому замечанию проф. Скабаллановича, “...нарисовать высокий идеал богослужения, который красотой своею вызывал бы всегдашнее невольное стремление к его осуществлению, в полной мере, быть может, и не всегда возможному, как и осуществление всякого идеала, следование всякому образцу. Таков, по существу, и весь закон Христов, неосуществимый вполне во всей его небесной высоте, но божественным величием своим возбуждающий неудержимое влечение в человечестве к его осуществлению, и через то животворящий мир”. [2]

Полное заглавие этой, столь важной для нас, книги — “Типикон сиесть Устав. Типикон, сиречь изображение церковного последования в Иерусалиме святые лавры преподобного и богоносного отца нашего Саввы. Тожде последование бывает и в прочих в Иерусалиме честных обителях, подобне и в прочих святых Божиих церквах”.

Таким образом, Устав — это богослужебные правила обители Св. Саввы в Иерусалиме, которые были впоследствии приняты в качестве стандарта другими монастырями, а потом и всей Православной Церковью. Недаром именно монастырскому богослужению отводится роль стандарта: ведь именно монашество яснее всего выражает идеал Церкви. Состояние монашества всегда было и остается надежным индикатором положения дел во всей Церкви или в Любой данной Поместной Церкви; и наоборот, по тому, насколько миряне стремятся следовать образцу монастырской службы, легко оценить богослужебную жизнь приходских церквей.

* * *

Богослужебный Устав — это наш идеал; и давайте не будем себя обманывать, что, дескать, у нас “все в порядке”, если в канун праздника у вас всегда бывает всенощная, или на службе “все поют” (что и вправду полагается по уставу, как мы увидим ниже). Мир идет на нас войной, непрерывно, неумолимо, и с яростью, неслыханной в истории Церкви.

В Америке особенно ясно видно, как газеты, радио, телевидение, школы, музыка, реклама, мода — словом, все до единого средства воздействия на наши умы и вкусы — прямо или косвенно истребляют в людях православное мировоззрение, убеждают нас, что православная вера “фанатична”, что она “не идет в ногу со временем”, что нам остается только отбросить высокий идеал соединения, слияния всей нашей жизни со Святым Православием, и взамен как следует “приспособиться” к окружающему миру, “найти общий язык” с другими исповеданиями и мировоззрениями.

Против этого яростного наступления православный христианин обязан держать внимательную и крепкую оборону — иначе он и сам лишится своего Православия, и детей своих обречет на верную гибель. Ряд американских православных юрисдикций (лишь с большой натяжкой называемых “православными” — и Митрополия среди них еще далеко не в худшей форме!) — печальный пример для всех тех, кто не бьется за сохранение своей веры, а принимает ее как должное, будто бы называться православным уже достаточно, чтобы им быть. Совсем не так судит Спаситель наш Христос!

“Вы — соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою? Она уже ни к чему не годна, как разве выбросить ее вон на поправление людям” (Матф. 5, 13)

Святые Отцы — создатели Устава — прекрасно знали об этой непрестанной битве за сохранение христианства в нас самих. Мы увидим сейчас, как православное богослужение благословляет нас на битву своим грозным оружием, оружием, вопреки распространенному мнению, самым практичным и действенным в современных условиях.

* * *

Ведущие архипастыри нашего столетия неоднократно призывали верующих возвратиться к подлинно православной уставной церковной службе: вспомним хотя бы Св. Новомученика Архиепископа Арсения Новгородского, блаженной памяти Архиепископа Иоанна Шанхайского (Максимовича) и настоятеля Св.-

Троицкого монастыря в Джорданвилле Архиепископа Аверкия Сиракузского. Поучения этих истинно православных архиереев, в купе с основами православного богослужения, демонстрируют нам, последним на этой Земле христианам, сколь далека наша жизнь от нормы христианского благочестия, сколь тернист путь возврата к нормальной жизни. Но зато и сколь заманчив сей путь!

Давайте убедимся в том, что богослужение — это не только сокровище церковных догматов и душеполезных наставлений, но и, даже в большей мере, школа благочестия, где мы не только узнаем, но также и ощущаем свою жизнь и путь к спасению. Полное раскрытие этого незаменимого источника благочестия стало одной из задач сегодняшнего движения к истинному Православию.

Да будут же древние чинопоследования православных богослужений всегда напоминать нам идеал церковного Устава: придти в храм Божий со страхом, трепетом и великою радостью, и славить Господа, как Богоносные Отцы наши научили нас славить Его!

* * *

Дабы сохранить дух православного богослужения (или возвратиться к нему), недостаточно лишь противостоять бессмысленным реформам модернистов, которые на смену вдохновляющему образцу церковного Устава несут некий “современный минимум”. Требуется еще ясно сознавать, какую цель преследовали Святые Отцы, когда они, руководимые Святым Духом, создавали для нас Божественные службы.

Набраться формальных знаний — истории церковных служб, отличия греческого Устава от русского, и пр. — дело, прямо скажем, не самое важное: станешь первостатейным “уставщиком”, да и только. Истинная же цель изучения Устава такова: духовная пища богослужения должна стать для верующих источником вечной жизни. По отношению к этой цели все прочее второстепенно.

В сегодняшнем отчаянном положении православные христиане не могут позволить себе просто “точное” следование церковному Уставу. Лучше уж допускать “неточности” и отступления, но, зная истинные уставные требования и честно отдавая себе отчет в своих слабостях, тем не менее молиться Богу и воспевать Его со всею любовью и искренностью.

Стало быть, “внешнее знание”, содержащееся в данной статье, не предназначается для “уставщиков” и не дается поэтому в формальном виде. Систематическая информация о церковных службах изложена во многих руководствах и учебниках [2]. Здесь же речь пойдет в основном о вдохновлении верующих, о том, как идеал церковного Устава находит практическое применение в сегодняшней жизни.

* * *

Нет нужды идеализировать современную богослужебную практику Русской Зарубежной Церкви: наши архипастыри откровенно говорят о недостатках в повседневном богослужении и о потребности приблизить его к идеалу Устава. Так, Архиепископ Аверкий сделал ряд острых и конкретных замечаний в своем докладе о “внутренней миссии” Церкви, принятом Архиерейским Собором Русской Зарубежной Церкви в 1962 году [3]:

“Чрезвычайно важно для успеха внутренней миссии привлечение по возможности всех молящихся к тому или иному деятельному участию в богослужении, дабы они не чувствовали себя только праздными

зрителями или слушателями, приходя в церковь как в театр, “для того лишь, чтобы послушать красивое пение хора”, исполняющего, как это теперь часто бывает, совершенно нецерковные, бравурные, театральные композиции. Совершенно необходимо восстановить древний, требуемый самим нашим Уставом обычай всенародного пения за богослужением... Стыдно православным верующим не знать своего дивного, ни с чем не сравнимого православного богослужения, а потому святой долг пастыря — знакомить своих пасомых с богослужением, что легче всего и может быть достигнуто путем привлечения к практическому участию в нем”.

Далее в той же статье владыка Аверкий опровергает распространенное заблуждение о том, что православным христианам не разрешается совершать богослужение без участия священника — в результате чего верующие оказываются совершенно беспомощными и “лишенными молитвы” во все более и более обычной для наших дней ситуации, когда в приходе нет постоянного священника. На той же странице читаем:

“Ведь по нашему Уставу все богослужебные чинопоследования суточного круга, кроме, само собой разумеется, Божественной литургии и прочих таинств церковных, могут совершать и лица, не посвященные в иерейский сан. Это широко использовали в своей молитвенной практике все иноческие обитатели, скиты и пустынножители, среди которых не было иноков, облаченных в сан иерея, и до последнего времени наблюдалось это, например, на отличавшейся своим высоким народным благочестием Карпатской Руси, где, в случае болезни или отлучки священника, сами верующие, без священника, читали и пели и полунощницу, и утреню, и часы, и вечерню, и повечерие, а вместо Божественной литургии — обедницу.

В этом никак нельзя видеть ничего предосудительного, ибо сами наши богослужебные книги предусматривают такую возможность в такого рода, например, часто встречающемся указании: “Аще иерей глаголет: Благословен Бог наш, аще ли ни глаголи умиленно: Молитвами Святых Отец наших, Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас. Аминь”. И дальше следует все богослужебное чинопоследование полностью, кроме, конечно, ектиний и священнических возгласов. Великая, сугубая и просительная ектинии заменяются при этом чтением 12 раз подряд “Господи, помилуй”, а малая ектиния — троекратным чтением “Господи, помилуй”.

Общественная молитва, как ни что другое, крепко объединяет молящихся. Итак, во всех тех приходах, где нет постоянного священника, совершенно необходимо не просто допускать, но действительно рекомендовать верующим, дабы они собирались по воскресным и праздничным дням в церкви, а где нет церкви, то в домах, для совместного совершения таких общественных молитв, в соответствии с установленным чинопоследованием”.

Такой нормальный церковный обычай (как и многое другое из лучших традиций Православия) стал ныне настолько в редкость, что принимается многими за новость. Тем не менее, он принят в ряде приходов Русской Зарубежной Церкви и в некоторых частных домах. Он нуждается в распространении и укреплении, будь то в приходах, по той или иной причине не имеющих священника, или в группах верующих, не оформленных еще в приход, или в семьях, лишенных возможности добраться до церкви по воскресным и праздничным дням.

Именно этот обычай позволяет поддерживать богослужебную жизнь в отдаленных уголках русского рассеяния, вне пределов досягаемости ближайшего православного храма, а также и среди истинно

православных христиан, как в США, так и в других странах, отдающих себе отчет в невозможности молитвенного общения с отступническими группировками, православными лишь по названию.

* * *

Богослужebные навыки желательно перенимать у тех, кто сам совершает богослужения согласно с церковной традицией и Уставом. Но если таких людей и не найдется, каждый верующий, при невозможности быть в Церкви, с большой пользой для себя может читать некоторые службы в добавок к обычным утренним и вечерним молитвам, а именно:

- часы (1-й, 3-й, и 6-й — в первую, 9-й — во вторую половину дня), которые, за исключением тропаря и кондака, остаются неизменными изо дня в день;
- стихиры Великих праздников (в соответствующие дни);
- псалмы, предписанные на данный день.

В приходских церквях дореволюционной России вечерня с утреней, полунощница, повечерие и часы служились строго ежедневно, что и представляет собою норму православной жизни. С этой нормой надлежит соотносить нашу сегодняшнюю практику.

Богослужения по воскресеньям, праздникам и накануне этих дней — вот тот минимум, без которого церковная жизнь невозможна, и православное благочестие не способно утвердиться и сохраниться. Дни эти нужно проводить соответствующим образом. Еще остаются отдельные приходы и семьи, где по воскресеньям регулярно поется акафист, но старинный благочестивый русский обычай собираться вечером в праздник для “псалмопения” уже исчез в повседневном водовороте.

А кто из нас соблюдает кануны праздников, неуклонно посвящая их всенощному бдению (или вечерне) и молитве, а не мирским развлечениям? Блаженной памяти Владыка Иоанн Сан-Францисский (Максимович) никогда не допускал до участия в воскресном богослужении никого, кто бы развлекался в субботу вечером (даже побывав перед этим в церкви, словно “для исполнения долга”!). И как же горько было тем русским, что собрались отмечать праздник Хэллоуин в 1964 году, накануне прославления Св. Иоанна Кронштадтского, когда Владыка Иоанн появился на праздничном балу, и строгим, безмолвным своим взглядом обличил их безверие!

* * *

Факт нашего отхода от идеала (то есть, от нормы) православной жизни должен быть поводом не для уныния, но для настойчивого стремления к этому идеалу, насколько это возможно в условиях всячески отвлекающей нас современной жизни. И, прежде всего, нужно понять, что идеал этот вполне достижим и не требует от нас ни сверхестественных усилий, ни какого-то особо возвышенно “духовного” состояния, без которого якобы нельзя и начинать славить Господа.

В самом деле, одним из препятствий распространения православных служб суточного круга в повседневной жизни является ошибочный дуализм, закравшийся в православное мировоззрение, а именно, что Православие есть нечто абстрактно “духовное”, а в жизни православные христиане “такие же как все”. На самом же деле, напротив, Святые Отцы со всею ясностью учат нас, что истинный

христианин отличен от всех остальных как внешне, так и внутренне, причем одно выражается через другое. Так Св. Макарий Великий поучает:

“У христиан — свой мир, свой образ жизни, и ум, и слово, и деятельность свои; инаковы же и образ жизни, и ум, и слово, и деятельность у людей мира сего. Иное — христиане, иное — миролюбцы; между теми и другими расстояние велико... Поелику ум и разумение христиан всегда заняты мудрствованием о небесном, по общению и причастию Св. Духа созерцают вечные блага; поелику рождены они свыше от Бога, в самой действительности и силе сподобились стать чадами Божиими... Обновлением ума, умирением помыслов, любовью и небесною приверженностью ко Господу от всех людей в мире отличается новая тварь — Христианин... У христиан другой есть мир, иная трапеза, иные одеяния, иное наслаждение, иное общение, иной образ мыслей, почему и лучше они всех людей”. [4]

Давайте сопоставим свою жизнь с этими стандартами Православия:

В самом ли деле имеем мы иную трапезу и иные одеяния, чем этот мир наглого непотребства и чревоугодия? Иные ли у нас дела и слова, образы жизни и молитвы? Если нет — то наверняка и духовно мы не отличаемся от миролюбцев.

Отличны ли наши праздники по смыслу от праздников людей мира сего? Посвящаем ли мы их неуклонно Богу и Его славословиям, житиям Его Святых и писаниям Боговдохновенных Отцов?

Уделяем ли мы часть каждого дня, по мере наших сил и времени, молитвенному подвигу, следуя данному Богом суточному кругу богослужений и освобождая себя от тяжелого бремени современной мирской жизни?”

Можно ли спастись без такого подвига? Св. Макарий Великий отвечает:

“Весьма многие из людей хотят сподобиться Царствия Небесного без трудов, без подвигов, без пролития пота; но сие — невозможно”. [4]

Великие подвиги недостижимы для живущих в мире и связанных мирскими заботами. Сколь же важно для нас воспользоваться возможностью благодатного и вдохновляющего подвига, которую Церковь предоставляет для наших ищущих душ — дневным циклом церковных служб. Даже небольшое, но регулярное участие в нем способно сделать христианина поистине отличным от других и открыть ему доселе неведомый мир мыслей и чувств — земную жизнь Христовой Церкви.

Ἰδεὶς ἀγαπᾷ:

[1] Св.-Владимирский Богословский Ежеквартальник (англ.) 1973, т. 3, с. 221—238.

[2] М. Скабалланович. Толковый Типикон. Киев, 1913, т. 2, с. 2—3.

[3] Архиепископ Аверкий. Истинное Православие и современный мир. Джорданвилл, 1971, с. 202.

[4] Преподобного Отца нашего Макария Египетского духовные беседы, послания и слова. Св.-Троицкая Сергиева Лавра, 1904. Беседа 5, с. 40—58.